

С.Н. Булгаков о природе зла в контексте теодицеи

Антоненко Виктория Владимировна,

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
(г. Москва, Россия)

Данная статья посвящена религиозно-философскому осмыслению природы зла в контексте теодицеи русского религиозного мыслителя С.Н. Булгакова.

Религия всегда имела большое значение для развития культуры в процессе цивилизации человечества. основополагающей функцией религии является мировоззренческая, предполагающая формирование определенной картины мира, норм, ценностей, благодаря которым человек сумеет обрести смысл своего бытия и принять активное участие, как в материальной, так и духовной жизни общества. Осознание человеком смысла, происходящих событий, делает его сильным и помогает преодолевать жизненные невзгоды и страдания.

Русский мыслитель С.Н. Булгаков дает следующее определение религии: «религия есть опознание Бога и переживание связи с Богом» [2, с. 6–7]. Его ученик Л. Зандер считает, что тема «Бог и мир» является ключевой в его философии [4], но в той мере, в какой С.Н. Булгаков был софиологом, было бы правильнее говорить не только о «Боге и мире», но и о связи, стоящей между этими понятиями. Этой связкой, явилась София. София, по мнению мыслителя, — есть «грань, которая по самому положению своему находится между богом и миром, творцом и тварью, сама не есть ни то, ни другое, а нечто совершенно особое, одновременно соединяющее и разъединяющее то и другое» [2, с. 213–214].

Мир (потенциальная и актуализирующаяся софийность), сотворенный из ничего, в первоначальном своем облике не имеет ничего антисофийного, то есть не содержит никакого зла [2, с. 405]. Мир до грехопадения представлял собою безгрешную потенциальность софийности и находился в начальной стадии своего развития. Ничто пребывало в мире как его темная основа и обладала возможностью, в осуществленное уже мироздание, прослоиться, как хаотизирующая сила и придать миру характер хаокосмоса, что иначе можно назвать хаотизированное бытие. И уже само это бытие — небытие, как общее состояние мироздания, есть метафизический грех, о котором сказано: мир во зле лежит. Таким образом, эта основа мироздания таила в себе возможность актуализации зла, как актуализации ничто, и была заранее дана в мироздании [2, с. 407].

Что же такое зло? По мнению С.Н. Булгакова, оно не может быть осмыслено как второе начало бытия, существующее рядом с добром (данное мнение было характерно для манихейства) и не могло быть создано благим Творцом, а потому и не может иметь в себе бытия. Зло может мыслиться лишь, как его частное самоопределение мироздания, как недолжное актуализирование того ничто, из которого сотворен мир. Но тварная свобода способна актуализировать ничто и тогда и оно косвенно получает жизнь, становится злом, которое является «паразитом» бытия. Зло приобретает многообразные формы и начинает существовать уже и как косми-

ческое начало, – зло в природе, и как антропологическое, — злая воля в человеке. Но всем формам зла характерна отторженность от всеединства, антисофийность, самость, себялюбие [2, с. 410].

«Основа зла, – пишет он, – в самом характере тварности, как соединения свободного самоопределения и природной данности» [1, с. 168].

Следует отметить, что «свобода, распространяется лишь на ход исторического процесса, но не на его исход» [3, с. 237]. Свобода признается «не софийной», то есть стоящей вне софийной детерминированности в бытии. Поэтому в силу свободы мир может не достичь высшей ступени бытия, но «свободе не дано погубить или даже существенно испортить творение» [2, с. 209]. Однако, по мнению С.Н. Булгакова, «если человеческая свобода призвана в полном объеме, то с ней приходится считаться со всей серьезностью и последовательностью – вплоть до адских мук» [2, с. 453].

Индивид в результате грехопадения хотя и нарушает софийное единство мира, но при этом не отрывается «от своего софийного корня» [5, с. 320]. «Первородный грех явился онтологической катастрофой в человеке, силой истории...ослаблено все человеческое естество» [1, с. 207]. С.Н.Булгаков говорит об «отравленности и извращенности всего человеческого творчества» [1, с. 362] и признает, что «несмотря на единство творчества и единый корень всего его творчества, оно не имеет гармонического свершения и, наоборот, удел творчества есть самая раздирающая трагедия последней борьбы» [1, с. 361].

Грехопадение, которое по своему значению было космическим, произошло, не в душе мира, не в божественной Софии, оно произошло лишь в низшем центре софийной жизни, в творении с его онтологическим центром – человеком [2, с. 409]. Человек – «центр мироздания», в котором постоянно дает о себе знать самость и которая может быть побеждена лишь «трудом хозяйственным, в историческом процессе» [3, с. 106–107]. Поэтому, на человеке, в результате грехопадения прародителей, лежит задача искупления греха – это и есть путь человека. Свобода одна может помочь «миру, отпадшему в состояние неистинности, а потому смертности, прийти в разум истины» [3, с. 139].

Но как же, при софийном плане истории, при внутреннем ее детерминизме, осмыслить начало свободы в человечестве? В «Философии хозяйства» С.Н. Булгаков говорит, что «по формальной беспредельности своего сознания и своей свободы человек божественен», но свободе его кладет границы «чуждое ему инобытие» [3, с. 220].

Вместе с грехом в мир вошла и смерть, как начало разрушающее бытие. До грехопадения человек был создан не бессмертным, но и не смертным: ничто, находясь в состоянии потенциальности, еще было бессильно ввести в мир смерть, но вместе с тем оно не было уже обессилено. Прародители жили в неведении добра и зла, и, могли бы вовсе миновать опыта зла. И грехопадение следует считать актом свободы [2, с. 409].

Для такого хаотизированного бытия, не имеющего в себе положительной силы бессмертия, предполагающую жизнь вечную в Боге, пассивное бессмертие, то есть простое отсутствие смерти, явилось бы величайшим злом и адом на Земле. Бог пощадил Свое творение, удалив человека от «древа жизни», и, обрек его на возвращение «в землю» с тем, чтобы некогда вновь возвратить этой земле ее софийную силу.

Таким образом, важнейшая метафизическая и космическая катастрофа грехопадения рассматривается как обусловившая возникновение другой космической катастрофы, но уже благой и радостной, – воскресение мертвых (этому свидетельствует воскресение Христа) и преобразование всего мира.

Литература

1. *Булгаков, С.Н.* Невеста Агнца. О Богочеловечестве. Ч.3. – YMCA PRESS, 1945. – 621 с.
2. *Булгаков, С.Н.* Свет Невечерний: Созерцания и умозрения / худож. оформ. Б.Ф. Бублик. – М. : ООО «Издательство АСТ»; Харьков : «Фолио», 2001. – 672 с.
3. *Булгаков, С.Н.* Философия хозяйства / отв. ред. О. Платонов. – М. : Институт русской цивилизации, 2009. – 464 с.
4. *Зандер, Л.* Бог и мир. Мирозерцание о. Сергия Булгакова. Т. 1. – Париж, 1948. – 479 с.
5. *Шапошников, Л.Е.* История русской религиозной философии / Л.Е. Шапошников, А.А. Федоров. – Изд-во: Высшая школа, 2006. – 449 с.